

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-22-33

МВФ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.Н. Федорченко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

В статье показано, что практика Международного валютного фонда (МВФ) по предоставлению кредитов нуждающимся странам запускает малоисследованную цепную реакцию изменений социально-политических процессов. В качестве рабочей гипотезы автором предлагается следующее: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона, но, с другой стороны, — к непоследовательности модернизации и незавершенности структурных реформ. Граждане критически отнеслись к сокращению дотаций на социальные сегменты своей жизни, поэтому постсоветские элиты постоянно колебались в отношении выполнения полного пакета рекомендаций МВФ.

Автор придерживается мнения, что постсоветские правительства на деле ограничивали маневр фонда, отсюда в отдельных случаях международной организации даже приходилось идти на уступки и послабление своих изначальных требований. Отсутствие единого и долговременного подхода кредитования между постсоветской элитой и МВФ провоцировало разочарование населения в необходимости либерализации, ослабления института государства, а также формировало условия для социальной неустойчивости вплоть до «цветных революций». Исследование опирается на данные социологических опросов населения.

Ключевые слова: МВФ, постсоветское пространство, СНГ, международные организации, международные финансовые институты, геополитика, глобализация

Ограничным элементом современных глобализационных процессов является деятельность международных финансовых организаций, среди которых важное место занимает Международный валютный фонд (МВФ).

После распада Советского Союза МВФ начал взаимодействовать с пятнадцатью новыми постсоветскими странами, элиты которых стремились стабилизировать свои политические режимы посредством финансовых вливаний в экономику. Сложилось несколько подходов к оценке деятельности фонда. К примеру, профессор Рочестерского университета Р. Стоун, проработав несколько лет в МВФ в качестве эксперта, стал придерживаться мнения, что данная международная организация своей деятельностью нацелена не на снижение транзакционных издержек, а на сохранение баланса интересов и власти США и других участников фонда [Stone 2011]. Отдельные отечественные авторы, ссылаясь на работы Р. Стоуна, также пишут, что с помощью фонда США в экстренных случаях могут быстро собрать необходимые средства для помощи дружественным государствам [Бардин 2013]. Однако тот же Стоун оговаривался, что подобная практика вовсе не означает, что МВФ является абсолютным проводником геополитических интересов Соединенных Штатов.

В настоящей статье сделан акцент на связь социально-экономических и малоизученных политических процессов на постсоветском пространстве со специфической пакета рекомендаций МВФ. В качестве рабочей гипотезы предлагается следующее предположение: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона, но, с другой стороны, — граждане критически отнеслись к сокращению дотаций на социальные сегменты своей жизни. Немаловажным фактором являлась и непоследовательная позиция постсоветской политической элиты, с реформаторскими планами которой фонду приходилось считаться. Перейдем к анализу этого постсоветского парадокса.

Таблица 1

Кредитная политика МВФ в постсоветских странах в 1990-х — начале 2000-х гг.*
IMF credit policy in post-Soviet countries in the 1990s — early 2000s

Страна / Country	Годы кредитования / Years of the loan	Сумма, млрд долларов / Total amount, \$ bln
Азербайджан / Azerbaijan	1995—2005	0,6
Армения / Armenia	1994—2008	0,4
Белоруссия / Belorussia	1993—1995	0,3
	2009—2010	3,5
Грузия / Georgia	1994—2007	0,6
Казахстан / Kazakhstan	1993—1998	0,9
Киргизия / Kyrgyzstan	1993—2008	0,4
Латвия / Latvia	1992—1994	1,0
Литва / Lithuania	1992—1995	0,4
Молдавия / Moldavia	1993—2008	0,5
Россия / Russia	1992—1999	24,0
Таджикистан / Tajikistan	1996—2006	0,3
Туркменистан / Turkmenistan	—	—
Узбекистан / Uzbekistan	1995—1996	0,2
Украина / Ukraine	1994—2008	9,2
Эстония / Estonia	1992—1995	0,1

* 1992—2008 гг. — не учитываются суммы резервного транша.

Источник: [Смыслов 2010]

РОССИЯ КАК КРУПНЕЙШИЙ ЗАЕМЩИК

Уже в феврале 1991 г. фонд принял участие в разработке программы российских реформ. Как видно из табл. 1, РФ получила больше всех кредитных ресурсов среди постсоветских стран в 1999-х — начале 2000-х гг. Экс-директор европейского отдела МВФ Дж. Одлинг-Сми анализирует несколько особенностей работы фонда с Россией. Во-первых, по мнению Одлинга-Сми, обусловленность предоставления кредитов не оказала существенного влияния на доходы бюджета страны, реальные суммы которых отставали от запланированных величин [Одлинг-Сми 2005]. Мало того — приостановки выделения кредитов накладывались на уменьшение возможности использовать заемные средства для субъектов хозяйственной деятельности [Архипова 2016]. Это в итоге может спровоцировать фи-

нансовый кризис и социально-политические волнения. Из-за подобных приостановок трансшей перспективы российского бюджета не раз висели на волоске, а группы влияния пытались через помощь фонда решить собственные задачи¹. Несмотря на то что Россия получила от фонда не так много денег, в процессе сотрудничества с ним отечественная элита приобрела некоторые привычки бюджетно-налоговой дисциплины. Да и сам фонд менял стратегию поведения с Москвой — сначала (1991—1992 гг.) организация настаивала на жестком выполнении условий кредитования [Нууген 2011], но после этого режим кредитования стал мягче. В МВФ вынуждены были учитывать мнение российской политической элиты, которая, в свою очередь, знала запрос населения на сохранение дотаций в социальной сфере.

Во-вторых, Одлинг-Сми считает опрометчивой такую рекомендацию фонда для России, как отмена экспортной пошлины на нефть. По его мнению, целесообразнее было бы отложить это до реформирования системы сбора акцизов, тем более что в 1996—1998 гг. страна остро нуждалась в налоговых поступлениях. В-третьих, еще одной ошибкой МВФ стала рекомендация о поддержке либерализации доступа иностранных инвесторов на рынок российских государственных ценных бумаг. Либерализация финансового рынка спровоцировала рост его волатильности и стала одной из причин кризиса 1998 г. Наконец, в-четвертых, Одлинг-Сми уверен, что политика МВФ в отношении курса российской валюты также была некорректной [Одлинг-Сми 2005] — проблемы фиксированного курса решались за счет эмиссии денег, результатом чего стало повышение инфляции.

Но другие авторы подчеркивают, что рецептура реформ от МВФ и его кредиты (за 1992—1999 гг. фонд одобрил кредиты на сумму 36,6 млрд долларов) все же позволили российскому правительству достичь определенной финансовой стабилизации в стране в 1992—1997 гг. и приступить к активной интеграции в мировую экономику [Сидорова, Баранова 2015].

Модель реформирования России была первоначально схожа с польской «шоковой терапией» [Ананьев 2008], которая привела к падению сельскохозяйственного и промышленного производства, нарастанию дисбаланса между богатой и бедной частями населения, росту социального недовольства. Проблема состояла, скорее, не в риске привыкания страны к кредитным ресурсам, а крылась в недостаточно просчитанной фондом социально-политической ситуации и некорректных рекомендациях, которые отчасти и способствовали приближению дефолта 1998 г. в постсоветской России. Данный кризис привел к глубоким изменениям и в политическом сознании россиян. Итоги многолетних исследований Левада-центра свидетельствуют², что 50% россиян разочаровались в рыночной экономике

¹ Буклемишев О. Фонд реформ: почему в России не любят вспоминать о сотрудничестве с МВФ. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/05/10/2016/57f4db519a794719cd52031d> (дата обращения: 07.12.2016).

² Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (дата обращения: 07.12.2016).

после 1998 г., лишь 13% респондентов на 2016 г. поддерживают модель демократических политических систем по западному образцу, зато большая часть опрошенных (37%) хотели бы жить в советской системе. Максимальное число сторонников (42%) рыночной парадигмы среди россиян фиксировалось лишь в феврале 1992 г. В этом свете неудивительно, что в российском политическом сознании возобладали весьма консервативные ценности.

Следует подчеркнуть, что современная РФ (как и другие страны — члены МВФ с наибольшими квотами — США, Япония, КНР, ФРГ, Франция, Великобритания и Саудовская Аравия) имеет исполнительного директора в Исполнительном совете фонда. Другие же государства, которые объединены в 16 групп, назначают своего официального представителя в этот орган. На первый взгляд для России сама возможность избрания своего исполнительного директора — вопрос несомненного международного престижа страны. Однако при такой схеме Россия «отсечена» от остальных постсоветских стран [Дегтерев 2016], которые присутствуют в разных группах МВФ: под руководством Нидерландов (Армения, Грузия, Молдавия и Украина), Турции (Белоруссия), Швейцарии (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан), Австралии (Узбекистан). Прибалтийские республики (Латвия, Литва и Эстония), входящие в НАТО и ЕС и не входящие в СНГ, также включены в отдельную группу под руководством Швеции. Следовательно, РФ рассчитывать на сборку какой-либо коалиции и претендовать на региональное лидерство для продвижения своих интересов в этой ситуации довольно сложно, даже несмотря на тот факт, что в самих группах аналитики отмечают соперничество за пост исполнительного директора [Woods, Lombardi 2006].

МВФ НА УКРАИНЕ И КАЗУС ЕВРОМАЙДАНА

Показателен случай Украины. После подписания в 1994 г. Украиной соглашения с МВФ по настоянию фонда был ослаблен контроль государства над обменным курсом, что вскоре привело к коллапсу денежной системы и снижению заработной платы на 76,1% в 1998 г. по сравнению с 1994 г. Либерализация цен спровоцировала повышение цен на проезд на общественном транспорте на 900%, на электричество на 600%, на хлеб порядка на 300% [Арсенко 2014]. Как и в случае с Россией, маневр консультаций и сотрудничества МВФ с Украиной зависел от настроенности на последовательность реформ самой политической элиты страны. Очевидно, что такой последовательности не было — сначала украинские политики выступали за выполнение пакета рекомендаций фонда, но, к примеру, уже в 2010 г. президент наложил вето на проведение запланированной налоговой реформы [Бардин 2014], в 2011 г. вето распространилось и на непопулярную среди населения пенсионную реформу (предусматривающую увеличение срока страховых отчислений на накопительную часть на 10 лет и повышение пенсионного возраста). В итоге отношение верхней наиболее богатой децили доли украинского населения к нижней самой бедной децили составило 40 : 1 (хотя выход за пределы 10 : 1 уже в социологии считается критическим) и подготовило благоприятную социальную почву для нескольких политических переворотов — «оранжевой революции» в 2004 г. и Евромайдана 2013 г.

Специалисты признают, что получение Киевом трех траншей МВФ в 2008—2009 гг. позволило (как и России в 1992—1997 гг.) отчасти стабилизировать ситуацию на валютно-финансовом рынке [Вардомский, Пылин 2010]. Между тем (как, кстати, и в случае с РФ) отсрочка фондом четвертого транша негативно повлияла на финансовое положение страны (снизила доверие зарубежных инвесторов). Колебания элиты, опасавшейся обострения социально-политической ситуации, в свою очередь, тоже влияли на уступчивость МВФ (как и в России после 1992 г.). Так, в 2014 г., несмотря на сокращение субсидий для государственного сектора, фонд не потребовал от Украины снижения зарплат бюджетникам, в отличие от Греции.

Особенность ситуации взаимоотношений МВФ с современной Украиной заключается также и в том, что, принимая решение о выделении средств властям, легитимность которых до запуска избирательных процедур была крайне сомнительна, фонд все равно осуществлял международное признание *de facto* сил, занявших политический олимп в ходе Евромайдана. При этом важно понимать, что государства, признающие новые власти Украины до официальных выборов, на деле распространяют это признание и на МВФ, голосуя в нем за выделение Украине кредита через собственные квоты [Коннов 2014]. Примечательно, что прежние украинские власти еще в 2010 г. подписали с фондом Меморандум о сотрудничестве и начали получать финансирование на заранее оговоренных условиях. Однако новому правительству, возникшему после Евромайдана и не успевшему легитимировать свое положение посредством выборов, также было обещано финансирование фондом. Получается, что МВФ также соприкоснулся с политической сферой и политическим признанием новых украинских властей, приравняв их обязательства к обязательствам, данных ему прежним легитимным правительством страны. Нельзя игнорировать и тот факт, что в число последних условий предоставления кредита фондом вошло требование отмены льгот для агропромышленного сегмента (хотя он является важной составляющей местной экономики, дающей рабочие места). Любопытно, что, согласно сведениям Центра социальных исследований «София»³, порядка 77,3% жителей Украины выступают против реформ Киева, проводящихся с 2016 г. в рамках рекомендаций МВФ и направленных на сокращение социальных льгот и государственных расходов.

БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И РЕЦЕПТЫ ОТ МВФ

Белоруссия, в отличие от России и Украины, долгое время пыталась сохранить значение государственного сектора в экономике, ориентируясь на поддержку социальной сферы. Она оформила членство в МВФ в 1992 г. До 2009 г. страна трижды обращалась за финансовой помощью фонда. Так, в 2009—2010 гг. Минск получил 3,4 млрд долларов [Толочко 2012]. Для получения этих денег белорусскому правительству пришлось пойти на некоторые условия: повысить тарифы

³ Рильский В. Украинцы разочаровались в работе правительства. Российская газета. 3 марта 2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/03/boleev-77-percentov-ukrainceev-vystupili-protiv-reform-mvf.html> (дата обращения: 07.12.2016).

на пассажирские городские перевозки (как и на Украине), отменить решение о повышении заработной платы в государственном секторе. МВФ потребовал радикально снизить вмешательство белорусского государства в экономику страны, а также выступил с рекомендациями по сокращению контроля правительства над ценами и либерализации зарплат с целью стимулирования переходов работников на другие места, где они могли более продуктивно себя реализовать. Вместе с тем помощь МВФ способствовала смягчению остроты белорусского кризиса.

В 2016 г. возобновились переговоры фонда с Беларуссией о возможности нового кредитования. МВФ одним из условий предоставления транша поставил требование о передаче в 2017 г. всех госпредприятий под управление только одного Госкомимущества. Такая предложенная реформа может серьезно затронуть систему государственного управления Беларуссии, при которой госпредприятия страны напрямую подчиняются госорганам. Сейчас чиновники доводят до предприятий целевые показатели и несут с их директорами общую ответственность. Руководителя госоргана белорусские власти могут привлечь к дисциплинарной ответственности за несвоевременную выплату зарплаты работникам подведомственных учреждений [Dabrowski 2016]. По данным опроса Независимого института социально-экономических и политических исследований, в 2010 г. для 48% респондентов этой страны демократия подразумевала систему государственного управления при равном доступе к ней всех граждан⁴.

Кардинально изменить модель госуправления — означает заложить для нынешнего белорусского политического режима некоторые риски, так как уже нельзя будет использовать рассчитанную на электорат риторику сильного, справедливого и ответственного государства. Рекомендации МВФ о необходимости нового витка институциональных реформ, нацеленных на распространение рыночных отношений, также не пользуются однозначной поддержкой в высших эшелонах власти. Отдельные авторы напрямую увязывают подобную непоследовательность и колебания в отношении фонда с потенциалом обращения Минска за финансовой помощью к Москве [Barisitz 2016]. Мало того, местные политики еще хорошо помнят, что отсутствие экономических потрясений оградило страну от рисков сценария «цветных революций» в 2006 г. и 2011 г. Ввиду этого можно прогнозировать, что на немедленные системные сдвиги белорусская элита пойти не может, скорее, разумно предположить новые двухсторонние переговоры с Россией, заинтересованной не усугублять отношения со своим соседом накануне президентских выборов 2018 г.

МВФ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ

Первоначальные кредиты МВФ Грузии позволили улучшить экономическую ситуацию в стране — основные займы были направлены правительством на стабилизацию финансов. Но фондом была допущена определенная недооценка социально-политической и экономической ситуации в этом закавказском государстве.

⁴ Как белорусы понимают демократию. URL: <http://www.dw.com/ru/как-белорусы-понимают-демократию/a-5117681> (дата обращения: 07.12.2016).

В свое время по его рекомендации страна перестала субсидировать сельское хозяйство (подобная рецептура сейчас предлагается фондом Украине), что серьезно ударило по виноградарству и фермерам, выращивающим цитрусовые. В результате, чтобы выбраться из нищеты, крестьяне стали заниматься незаконными лесозаготовками, что, в свою очередь, привело к деградации местных экосистем, оползням и затоплениям. Кроме того, по требованию МВФ с середины 1990-х гг., налог на добавленную стоимость достиг 20%, что непосредственно увеличило нагрузку на грузинских предпринимателей. Представители фонда обосновывали это условие тем, что в стране еще на тот период не было прочной политической и правовой базы [Чантуридзе 2005]. Но подобная поспешная политика введения большого налога привела к замедленному накоплению капитала, ухудшению распределения сбережений и повышению социальной напряженности в стране. Отчасти подобные причины сформировали социально-политические условия для такого политического переворота как «революция роз» в 2003 г.

Высокая ставка НДС сделала деятельность малого бизнеса в рамках закона просто невыгодной, отсюда возник теневой сегмент, в котором коррумпированные чиновники и предприниматели предпочитали договариваться о взаимных уступках, ища лазейки в законодательстве. Ставки грузинских банков по займам достигали в 2005 г. 25% годовых. Высокие процентные ставки и налоги не позволяли малому и среднему бизнесу создавать серьезное количество рабочих мест, провоцируя воспроизводство «челночной торговли». Согласно данным опроса National Democratic Institute (NDI) в 2015 г., наиболее значимым для жителей страны фактором являлась проблема безработицы — 67%⁵.

Между тем пример Армении хорошо показывает, что рецептура МВФ (при условии выработки единого подхода между местной элитой и фондом) на деле оказывала и стабилизирующее воздействие на финансовую систему государства [Хачатрян 2009]. Когда американская государственная корпорация «Вызовы тысячелетия» мотивировала частичное свертыwanie своих программ нарушением армянскими властями уровня демократических свобод в период местных президентских выборов 2008 г., страна лишилась 75 млн долларов США обещанной помощи. В то время как раз и пригодились кредиты МВФ (порядка 800 млн долларов США, из которых 400 млн долларов были получены государством до мая 2009 г.), а также межгосударственные кредиты от России (порядка 500 млн долларов США). Эту причину, наряду с другими (зависимость местных массмедиа от власти, меньшее распространение социальных сетей Интернета и др.), можно причислить к тем условиям, которые не дали реализоваться в Ереване сценарию «цветной революции», подобно Украине, Грузии и Киргизии.

ПОЛИТИКА ФОНДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МВФ давал изначально излишне радужные перспективы и для постсоветской Киргизии. Неолиберальные рекомендации подобных международных организаций в итоге и привели к социальному кризису и «революции тюльпанов» [Чанту-

⁵ Опрос ребром. Что хотят грузины. URL: <http://onkavkaz.com/articles/1233-opros-rebrom-cto-hotjat-gruziny.html> (дата обращения: 07.12.2016).

ридзе 2006]. По требованию фонда прошла ускоренная приватизация государственных предприятий, но отсутствие рыночной конкуренции сосредоточило эту собственность в руках ограниченного круга лиц. К драматическим политическим последствиям привели и рекомендации фонда по ликвидации субсидий сельскому хозяйству (как и в Грузии), транспорту и приватизации земель сельскохозяйственного назначения. Следовательно, не стоит считать случайным совпадением тот факт, что первая киргизская «цветная революция» началась на аграрном юге Кыргызстана — в Оше и Джалал-Абаде. Отмена субсидий увеличила неравенство между городским и сельским населением, привела к росту безработицы.

Никаких открытых дебатов по поводу политических и экономических реформ, рекомендуемых МВФ, в стране инициировано не было, общественность не была проинформирована о потенциальных рисках и последствиях. И все же острая общественная полемика о присоединении страны к инициативе «Heavily Indebted Poor Countries» (предусматривающей списание части долгов в обмен на жесткий контроль реформ со стороны МВФ и ВБ) в 2006 г. оказала давление на местную элиту, отказавшуюся от подобного предложения. Другими словами, в Киргизии наблюдалась в чем-то схожая ситуация с той, которая имела место на Украине, в России, Белоруссии и других постсоветских странах, — конечный эффект взаимодействия с фондом зависел от готовности самой элиты на последовательные структурные изменения, на что, в свою очередь, влиял сильный запрос населения на поддержание государством социального сектора.

Рывки в реформах создали благоприятный фон для роста социально-политической напряженности и активизации таких радикальных организаций как «Хизб ут-Тахрир» и исламского движения Узбекистана. Согласно данным опроса SIAR Research and Consulting⁶, проведенного в 2016 г. по заказу Международного республиканского института, крупнейшими проблемами своей страны жители Киргизии считают безработицу (49%) и коррупцию (31%), при этом для 42% респондентов благосостояние более важно, чем демократия, которая предпочтительна лишь для 8%. С другой стороны, по оценке ряда исследователей [Игамбердиев, Тегизбекова 2014], консультационная и финансовая помощь МВФ вначале стабилизировала местные цены и снизила дефицит бюджета посредством введения новой валюты.

Старт некоторых реформ в постсоветском Таджикистане также находился под наблюдением МВФ. Прислушиваясь к советам экспертов фонда, Национальный банк страны не считал нужным увеличивать денежную массу на фоне роста макроэкономических показателей, поэтому экономика государства приобрела демонетизированный облик. Несмотря на все теоретические предположения, даже с увеличением ВВП на 7,5% монетизация в 2015 г. все равно снижалась [Алиджанов 2016], характеризуя дефицит денежной массы, экспансию иностранной валюты и приводя к дестабилизации деловой активности населения и, соответственно, к фактору социально-политического риска — безработице. Согласно опросу

⁶ Результаты опроса жителей Кыргызстана 2016. URL: <http://siar-consult.com/wp-content/uploads/IRI-Poll-Presentation-Kyrgyzstan-March-2016-RUS-1-20.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

2016 г. аналитического центра «Шарк» в Таджикистане⁷, из каждых 10 респондентов в среднем 5—6 человек признались в ностальгии по бывшему Советскому Союзу, в том числе и по причине резкого ухудшения уровня жизни.

***

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что предлагаемая автором рабочая гипотеза отчасти подтвердилась: функционируя в условиях постсоветских обществ, где длительное время ключевую роль в экономике и политике играло государство, МВФ недооценил сильный запрос местного населения на поддержку правительством социальной сферы, что привело к двоякому результату его консультационной деятельности — с одной стороны, рекомендации фонда действительно привели к стабилизации финансовых систем региона (особенно в начале этого сотрудничества), но, с другой стороны, — к непоследовательности модернизации и незавершенности структурных реформ.

Постсоветские элиты постоянно колебались в отношении выбора и выполнения пакета рекомендаций МВФ по причине неготовности основной части населения к структурным реформам, влияющим на социальную сферу (пенсии, налоги, наука, сокращение государственных субсидий на образование, сельское хозяйство, государственные предприятия и собственность, культуру и т.п.). Данные социологических опросов доказывают ориентацию респондентов постсоветских стран на сильное и справедливое государство (Россия, Белоруссия, Таджикистан), а также их обеспокоенность социальными проблемами, которые должно решать государство (Украина, Грузия, Киргизия).

Правительства постсоветских стран на деле ограничивали маневр фонда, поэтому в отдельных случаях международной организации даже приходилось идти на уступки и послабление своих изначальных требований. Отсутствие единого и долговременного подхода кредитования между постсоветской элитой и МВФ провоцировало разочарование населения в необходимости либерализации, ослабления института государства, а также формировало условия для социальной неустойчивости вплоть до «цветных революций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алиджанов Д.А. Денежно-кредитные механизмы стимулирования импортозамещающего экономического роста в республике Таджикистан // *Экономический журнал*. 2016. № 3 (43). С. 12—29.
- Ананьев А.С. Сравнительный анализ МВФ в странах с трансформируемой экономикой: Автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации. 2008. С. 18—19.
- Арсеенко А.Г. Антисоциальные инновации ВБ и МВФ на постсоветском пространстве (на примере Украины) // *Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке* / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: НИСОЦ; 2014. С. 117—121.

⁷ Ностальгия по СССР. Таджикистанцы тоскуют по «потерянному раю». URL: <http://rus.ozodi.org/a/28163916.html> (дата обращения: 07.12.2016).

- Архипова В.В. Влияние «внезапных остановок» потоков капитала на национальную экономику // Вестник Финансового университета. 2016. № 5. С. 115—125.
- Бардин А.Л. Принципы глобального управления на основе международных финансовых институтов // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 168—172.
- Бардин А.Л. Политические аспекты деятельности МВФ и Всемирного банка в Украине // Власть. 2014. № 10. С. 220—224.
- Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Глобальный кризис в Украине: причины глубокого спада и противоречия экономической политики // Белорусский экономический журнал. 2010. № 1. С. 4—16.
- Дегтерев Д.А. Политическое влияние в международной финансовой системе // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 77—105. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77.
- Игамбердиев Б.А., Тегизбекова Ж.Ч. История Кыргызстана как процесс реализации индивидуального интереса в свете неэффективного экономического управления // Вестник КРСУ. 2014. № 6. С. 118—122.
- Коннов В.А. К вопросу о юридических особенностях выделения Международным валютным фондом финансовой помощи Украине // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 159—161.
- Одлинг-Сми Дж. Взаимоотношения МВФ и России в 1990-е годы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2005. № 3. С. 79—88.
- Сидорова Е.А., Баранова М.С. Проблема глобального управления и роль Международного валютного фонда // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Выпуск 2. С. 15—22.
- Смыслов Д.В. История отношений России с международными финансовыми организациями. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1215> (дата обращения: 07.12.2016).
- Толочко О.Н. Реализация норм международного экономического права посредством участия в международных экономических организациях (на примере Республики Беларусь) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 170—176.
- Хачатрян А. Армения: кризис и фундаментальные проблемы экономики // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 6 (66). С. 50—59.
- Чантуридзе Л. Рекомендации МВФ для Грузии: дорога в «храм изобилия» или путь к проращиванию нищеты? // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6 (42). С. 140—151.
- Чантуридзе Л. Кыргызстан на перепутье: экономические причины «революции тюльпанов» // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 4 (46). С. 74—84.
- Barisitz St. Belarus in recession, banking sector in difficulties — Russia to the rescue // Focus on European economic integration. 2016. № 3. P. 41—49.
- Dabrowski M. Belarus at a crossroads // Bruegel Policy Contribution. 2016. № 2. P. 1—10.
- Huygen Ch. One Step Forward, Two Steps Back: Boris Yeltsin and the Failure of Shock Therapy // Constellations. 2011. Vol. 3. № 1. P. 63—73.
- Stone R.W. Controlling Institutions: International Organizations and the Global Economy. Cambridge: University Press, 2011.
- Woods N., Lombardi D. Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries are Represented in the IMF // Review of International Political Economy. 2006. Vol. 13 (03). P. 480—515.

Дата поступления статьи: 26.01.2017

Для цитирования: Федорченко С.Н. МВФ и социально-политические процессы на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 22—33.

Сведения об авторе: Федорченко Сергей Николаевич — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-22-33

IMF AND SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE

S.N. Fedorchenko

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

Abstract. The article shows that the practice of the International Monetary Fund to provide loans to countries in need starts an unexplored chain reaction of changes in the socio-political processes. As a working hypothesis, the author proposes the following assumption: functioning in the conditions of post-Soviet societies, where for a long time a key role in the economy and politics was played by the state, the IMF had underestimated the strong request of the local population to support the social sector by the government, which led to two consequences of his consulting activities — fund recommendations actually led to the stabilization of financial systems in the region, but on the other hand — to the inconsistency and incompleteness of the modernization of the structural reforms. Citizens criticized the reduction of subsidies for social segments, so the post-Soviet elites constantly fluctuated in relation to the full implementation of the recommendations of the IMF package.

The author is of the opinion that the post-Soviet government in fact limited the maneuver of the fund, hence in some cases, even an international organization had to make concessions and indulgence of their original demands. The lack of a unified approach and long-term lending between the post-Soviet elite and the IMF provoked disappointment of the population of the need for liberalization and weakening of the state institution, as well as create conditions for social instability up to the “color revolutions”. The study is based on data of sociological surveys of the population.

Key words: IMF, the post-Soviet space, CIS, international organizations, international financial institutions, geopolitics, globalization

REFERENCES

- Alidzhanov, D. A. (2016). Monetary and credit mechanisms of import substitution economic growth stimulation in the Republic of Tajikistan. *Ekonomicheskiy zhurnal*, 3(43), 12—29 (In Russ.).
- Anan'yev, A. S. (2008). Comparative analysis of the IMF in countries with transformed economy [dissertation thesis]. M.: Finansovaya akademiya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii (In Russ.).
- Arseenko, A. G. (2014). Antisocial innovation the World Bank and the IMF in the post-soviet region (on an example of Ukraine). In: *Sotsial'nye innovatsii v razvitiі trudovykh otnosheniy i zanyatosti v XXI veke*. Pod obsh. red. Z. Kh. Saralievoy. Nizhniy Novgorod: NISOTs, p. 117—121 (In Russ.).
- Arkhipova, V. V. (2016). The influence of “sudden stops” in capital flows on the national economy. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 5, 115—125 (In Russ.).
- Bardin, A. L. (2013). Principles of the global governance on the basis of international financial institutions. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, 168—172 (In Russ.).
- Bardin, A. L. (2014). Political aspects of the IMF and the World Bank in Ukraine. *Vlast'*, 10, 220—224 (In Russ.).
- Barisitz, St. (2016). Belarus in recession, banking sector in difficulties — Russia to the rescue. *Focus on European economic integration*, 3, 41—49.

- Chanturidze, L. (2006). Kyrgyzstan at a crossroads: the economic causes of the “Tulip Revolution”. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*, 4 (46), 74—84 (In Russ.).
- Chanturidze, L. (2005). IMF recommendations to Georgia: the road to the “Temple of plenty” or a path to the germination of poverty? *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*, 6 (42), 140—151 (In Russ.).
- Degterev, D. A. (2016). The Political Influence in the International Financial System. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 11 (4), 77—105 (In Russ). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77.
- Dabrowski, M. (2016). Belarus at a crossroads. *Bruegel Policy Contribution*, 2, 1—10.
- Hachaturyan, A. (2009). Armenia crisis and the fundamental problems of the economy. *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 6 (66), 50—59 (In Russ.).
- Huygen, Ch. (2011). One Step Forward, Two Steps Back: Boris Yeltsin and the Failure of Shock Therapy. *Constellations*, 3 (1), 63—73.
- Igamberdiev, B. A., & Tegizbekova, Zh. Ch. (2014). History of Kyrgyzstan as a process of realization of an individual interest in light of inefficient economic management. *Vestnik KRSU*, 6, 118—122 (In Russ.).
- Konnov, V. A. (2014). On the question of the legal features of allocation by the International Monetary Fund for financial assistance to Ukraine. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4, 159—161 (In Russ.).
- Odling-Smee, Dzh. (2005). Relations between the IMF and Russia in 1990. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyy zhurnal*, 3, 79—88 (In Russ.).
- Sidorova, E. A., & Baranova, M. S. (2015). The problem of global governance and the role of the International Monetary Fund. *Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*, 15, 2, 15—22 (In Russ.).
- Smyslov, D. V. (2010). The history of Russia's relations with international financial organizations. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1215> (In Russ.) (accessed: 07.12.2016).
- Stone, R. W. (2011). *Controlling Institutions: International Organizations and the Global Economy*. Cambridge: University Press.
- Tolochko, O. N. (2012). Implementation of the rules of international economic law through participation in international economic organizations (Case of the Republic of Belarus). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1, 170—176 (In Russ.).
- Vardomskij, L. B., & Pylin, A. G. (2010). Global Crisis in Ukraine: Causes of deep recession and contradictions of economic policy. *Belorusskij ehkonomicheskij zhurnal*, 1, 4—16.
- Woods, N., & Lombardi, D. (2006). Uneven Patterns of Governance: How Developing Countries are Represented in the IMF. *Review of International Political Economy*, 13 (03), 480—515.

Received: 26.01.2017

For citations: Fedorchenko, S. N. (2017). IMF And Socio-Political Processes In The Post-Soviet Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 22—33.

About the author: *Fedorchenko Sergey Nikolaevich* — Associate Professor, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).